

Д.Г. Литинская
 кандидат философских наук
litinskaya@inbox.ru

И.А. Кирилловский
 преподаватель Московского Института Лингвистики
bituten@gmail.com

ТЕЛО ПОРЯДКА В ИДЕОЛОГИИ (НЕ)СВОБОДЫ

Статья посвящена изменению отношения к телесности в разных моделях общества XX века. Затрагиваются вопросы принадлежности и функций телесности в тоталитарных обществах и обществах, построенных на идее свободы. Соотношение свободы в выборе способов формирования своего тела и идее «американской мечты». Супергерои различных режимов, как воплощение идеала телесности. А так же обосновывается представление о идее ЗОЖ (здорового образа жизни), как об идее возобновления идеи тела порядка в западной культуре.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, телесность, тоталитаризм, тело порядка, супергерои

Article is devoted to change of the attitude towards embodiment in different models of society of the 20th century. The questions of accessory and functions of embodiment in the totalitarian societies and societies constructed on the idea of freedom are raised. Freedom ratio in the choice of ways of formation of the body and the idea of “the American dream” is discussed, as well the superheroes of various modes as ideal embodiment. And also idea of ZOZh (healthy lifestyle), as the idea of renewal of a body of the order is proved in western culture.

Keywords: healthy lifestyle, embodiment, totalitarianism, body of the order, superheroes

Понятие тела и телесности по-настоящему вошли в философский, да и в общегуманитарный дискурс в XX веке. Если в классическую эпоху тело делилось на тело политическое и тело физическое, наиболее очевидным примером чего являлось тело монарха, которое по формулировке XVI века: «имеет в себе два тела – тело природное и тело политическое. Его природное тело есть смертное тело, подверженное всем превратностям природы и случая, вплоть до младенческого и старческого слабоумия. Но его политическое тело не может быть видимо или ощущаемо, оно состоит из политики и правления и создано для руководства народом и поддержания общего блага; и это тело совершенно свободно от младенчества или старости и прочих недостатков и немощей» (цит. по [Канторович, 2013, с. 74-75]), но и тела обычных людей, были расщеплены таким же образом, так например они, вплоть до XIX века были основной мишенью государственных наказаний [Фуко, 1999], и не полностью принадлежали самому человеку, что доказывается в том числе уложением уголовного права, подразумевающего преследование за попытку суицида, отмененное только в начале XX века (см. например [Жильцов, 2002]). После возвращения тела самому человеку, прошедшее через общие тенденции гуманизации XIX века, стало возможным его феноменологическое рассмотрение, часто оторванное от физических законов – если тело короля, рассматриваемое юристами XVI века, хоть и обладало некоторыми магическими свойствами, было, очевидно, привязано к физическому субстрату, то тело, рассматриваемое Мерло-Понти, хоть и чувствующая вещь, «в которой я живу», но она почти не привязана к физическому субстрату: тело, согласно Мерло-Понти, «– это пробел в плоти мира, но не разрывающий бытийную ткань видимого, а скрепляющий его» [Вдовина, 2008, с. 55]. До какой-то степени вращивают в гуманитарный дискурс телесность психоаналитики, но так как психоанализ произошел в первую очередь от медицины, это рассматривается как некий хвост биологизаторства: местом символизации и одновременно одним из основных символов.

© Литинская Д.Г., Кирилловский И.А., 2017

Итак: за XIX-начало XX веков прошел процесс изменения отношения к телесности, в первую очередь выразившийся в изменении отношения к телесным наказаниям (который не завершён и по сей день), отмене рабства, как возможности владения телом другого, и отношения к работающим, как к безликой производственной силе, а так же отношению к сексуальности, праву на смерть и т.д. Но это явление дало неожиданный эффект: люди, чья телесность была высвобождена включились в политический контекст, политика перестала быть политикой вождей и стала политикой масс. И хоть Ортега-и-Гассет пишет: «В сущности, чтобы ощутить массу как психологическую реальность, не требуется людских скопищ. По одному-единственному человеку можно определить, масса это или нет. Масса – всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, “как и все”» [Ортега-и-Гассет, 1997, с. 45-46], но очевидно, что активность людей и риски с ней связанные продолжают считать «по головам»: критичный вопрос для любого правительства не «сколько голосов будет против него на референдуме?», а «сколько человек выйдет протестовать на площадь?». Значимо не только количество вышедших тел, но и их качество: тысяча женщин с детьми не равна тысяче отставных военных. Кроме того важен эффект синергии: один бандит на десять граждан, это не то же, что сто на тысячу: так как сто буйных людей, объединившихся в банду, могут стать политической силой, во многом благодаря этому эффекту и сформировались зачатки того, что выросло в основные тоталитарные системы XX века.

Таким образом, тело осталось при своем политическом компоненте и именно оно выступил как одно из важнейших конституирующих систем нормирования в тоталитарных системах середины XX века, что делает необходимым рассмотрение категории тела порядка и в философском и в психологическом полях.

Говоря о теле порядка, мы имеем в виду не совсем параноическое тело, как его понимали Делез и Гваттари – «параноическое тело, где органы непрерывно атакуются какими-то внешними воздействиями, а также восстанавливаются благодаря энергиям извне», так как это тело единичного субъекта, воздействия из вне могут быть любого типа, мы же имеем в виду отношение к субъекту из вне, культурное влияние на *каждое* тело сообщества, конструирование как реальности, так и идеала тела. При этом конструирующей силе, разумеется, будет удобно иметь дело с обладателями именно параноических тел, плотно окружая их, становясь для них единственным мериллом.

Тело порядка в XX веке развивалось в двух параноийальных направлениях: государстве, делавшем ставку на идеализацию «своих» в противовес чужим, но при этом намеревавшимся расширить границы своего мира до абсолюта – гитлеровской Германии, и в государстве, готовом бесконечно пополнять ряды своих в обмен на сужение их мира до внутренних границ страны – Советском Союзе. Различие это видно даже из основных семантических единиц официальной риторики, создававших языковое поле как идеологических, так и бытовых дискуссий. Например, в Советском Союзе принципиально отсутствовал концепт жизненного пространства, тогда как для Третьего Рейха идея *Lebensraum im Osten* была ключевой, обосновывающей фактически все политические решения как во внешней, так и во внутренней политике (от создания концентрационных лагерей, до объявления войн). Обоснованием же аналогичных действий в СССР было улучшение жизни разнообразных «братских народов», при чем народ становился братским ввиду предполагаемых убеждений большинства, а не в рамках заданных внешних параметров: Тельман и другие немецкие коммунисты могли и были «братьями» в советском понимании, при том, что даже активно приветствующие приход немецкой армии славяне не могли рассчитывать на равное с арийцами положение.

Оба эти режима предполагали человека, отказавшегося от львиной доли своего Я. В данном случае мы имеем в виду уменьшение количества потенциально возможных для человека Я-концепций: термин принадлежит психологическому дискурсу, Р. Бернс определяет это понятие так: «Я-концепция – это совокупность всех представлений человека о самом себе, сопряженная с их

Д.Г. Литинская, И.А. Кирилловский
Тело порядка в идеологии (не)свободы

оценкой. <...> Я-концепция, в сущности, определяет не просто то, что собой представляет индивид, но и то, что он о себе думает, как смотрит на свое деятельное начало и возможности развития в будущем» [Бернс, 1986], то есть его тело как бы занято идеей, идеей относительно этого тела, данной от машины государства, которая встраивает его в себя, как винтик. Метафора винтика в этом контексте не о незначимости, а о требовании идеального совпадения с «резьбой» – максимального соответствия образцу. Образцы же этих двух концепций, внешне так похожие, принципиально разнятся по внутреннему содержанию и идее функционирования.

Внешнее сходство в эстетике советских и германских физкультурных парадов конца тридцатых годов достаточно очевидно: сильные тела, выстроившиеся в строгом порядке, демонстрирующие силу, ловкость, выносливость. Но имеют серьезное различие в конечной цели существования: принцип нацистской демонстрации тела порядка резко отличается. Так тело мужчины – тело воина, тело женщины предназначено для рождения новых воинов (сам Гитлер подчеркивал это именно как антитезу коммунистической идеологии: «Немецкие женщины хотят быть жёнами и матерями, они не хотят быть товарищами, как призывают красные. У женщин нет стремления работать на фабриках, в бюро, в парламенте. Хороший дом, любимый муж и счастливые дети ближе её сердцу» ([Fest J., 1964, s. 361] цит. по [Пленков, 2011]), тогда как в СССР это идея достижений как таковых: рабочих, спортивных, военных – главное количественно измеримых. Исчислимость и взаимозаменяемость – принцип построения высшего блага в СССР. Идея исчислимости достижений, в том числе достижений человеческого тела, совокупности тел, тесно связана с идеей самопожертвования, столь важной в идеологии советского коммунизма.

Не случайна и двойственность идеи жертвенности (как принесения в жертву так и отдачи в жертву себя) в идее телесности социалистического режима. Часто жертвенность связывается именно со Сталинским режимом, Бодрийяр писал: «Жизнь Революции поддерживается только идеей о том, что ей противостоит все и вся, в особенности же ее пародийный сиамский двойник – сталинизм. Сталинизм бессмертен: его присутствие всегда будет необходимо, чтобы скрывать факт отсутствия Революции, истины Революции – тем самым он возрождает надежду на нее» [Бодрийяр, 2000, с. 115]. Не соглашаясь с Бодрийяром в плане оценки конкретно сталинизма¹, и не имея возможности разбирать отдельно сталинизм в рамках этой статьи, невозможно не согласиться с идеей отсутствия Революции как цельного конструкта. Гражданская война де-факто продолжалась долго, на местах то и дело вспыхивали идеологические и не только противостояния. Состоявшийся для всех, Революция состоялась далеко не для каждого, ей было необходимо символическое тело и таким телом, идеалом комсомольца до военного времени и героем-образцом для второй мировой стал Павка Корчагин: «Островский создал свое жизнеописание под именем Павла Корчагина. Тем самым он навсегда вписал это имя в советские святцы, представив жизненный путь своего героя (и себя самого) как верный и даже “единственно возможный” (слова Корчагина в романе) – как образец жертвенного и самоотверженного прорыва в коммунизм наяву» [Кондаков, 2001]. Собственно пантеон советского времени состоял не только из Корчагина, были пионеры и комсомольцы герои, реже герои взрослые. Не важно, реальны или выдуманы были их биографии, как много пользы принесли их подвиги (как ни странно, чаще мало), важно, что сюжет всегда включает в себя бесконечное преодоление, и моральное и физическое, а также героическую смерть. Но первым из равных все же оставался Корчагин. Его подвиг имел некоторый непередаваемый колорит первенства, его путь к смерти подобен пути Эмпидокла – убить Бога в себе и стать Богом. Собственно, разрыв с божественным и сакральным для предыдущей системы ценностей показал «в лоб» в виде антагонизма с попом Василием. Интереснее, каким богом становится Корчагин, ведь его подвиг принципиально не

¹ Одним из веских доказательств, что революция была потеряна раньше, и делались новые внутренние попытки обрести ее воплощение, автобиографический текст, одной из самых честных и пылающих женщин той эпохи Евгении Ярославской-Маркон: «Я, конечно, уже тогда понимала, что революция – в Кронштадте, а конт-революция – в Смольном, а не наоборот. Самое понятие – застывшей в победе революции – также нелепо, как понятие – остановившегося движения: – раз остановилось – значит, уж не революция! Ведь революция по самому понятию своему есть “движение, направленное к ниспровержению существующего строя”». [Ярославская-Маркон, 2008]

индивидуален, более того, все индивидуальное глубоко чуждо ему, отвергаемо и вершина достижений в идеальном влитии в коллективное тело нового порядка – нового божества – Революции.

Так как революция предопределена К.Марксом, и согласно его теории требует исчислимых усилий, то самопожертвование логично – Павел Корчагин не хочет умирать и быть искалеченным – он не склонен к суициду и не страдает селфхармом – но он один из тех, кому довелось быть избранным для становления предначертанного торжества коммунизма, и он в рамках этого предназначения бросает свое тело в костер революции (сама метафора революции как костра отсылает нас к жертвенным кострам). В Германии все принципиально не так: декларировалось, что смена строя, падение прогнившей Веймарской республики, произошло потому, что так выбрал немецкий народ. Подразумевается, что любая арийская женщина *хочет* родить много детей, но она не жертвует собой, а следует своим желанием. Так же подразумевается, что любой ариец *хочет* обладать совершенным телом, и не хочет вступать в дружеские и тем паче половые контакты с представителями «горячих рас». Так же как сейчас подразумевается, что любой «разумный человек» хочет быть здоровым, соответствовать точно выверенным нормам веса и объемов, образа жизни и т.п.

Казалось бы, до этого момента мы обсуждали тело порядка в тоталитарных системах, в которых оно не вызывает особых вопросов, когда нормируется все, нормируются и тела, когда все становится инструментом дисциплины и тела становятся таковыми – это логично для тоталитарных систем, как бы они не разнились между собой. Гораздо интереснее и актуальнее проследить судьбу тела порядка в культуре, выстроенной на идее свободы.

За XX век большинство стран Европы попробовали на себе тоталитарные режимы, в то время как в США ситуация была принципиально другая. Идея Американской мечты, выдвинутая Адамсом, многократно и по-разному трактовалась. Так Гачев [Гачев, 1998] считает основными ценностями американской культуры и, соответственно, составляющими американской мечты: «Успех, Паблисити («публичность»), Просперити («процветание»), реклама («стяжение потребительских ожиданий к моему текущему делу, кредит ему, прикорм из будущего, чтобы оно в настоящем мире развивалось» (цит. по [Лыткина, 2012, с. 164]. Если про успех относительно понятно то, про публичность гораздо сложнее: это не то, что знает о тебе каждый, это то, что знают о тебе все – то есть «большой другой», которому интересны не подробности о тебе, а соответствие определенным требованиям. Важно откуда происходит твой капитал, соответствие образа жизни твоему состоянию (дом, машины, одежда и т.д.), соответствие требованиям к семье, так как США это прежде всего страна семейных ценностей. Прекрасный пример соответствия паблисити Хилари Клинтон: каждый знает, что, например, в семье у нее не все ладно, каждый может отпустить про это шуточки, но в целом требованиям она соответствует: есть брак, есть дети, и насмешки не сильно мешают идти дальше по социальной лестнице вверх, равно как и телесная немощь. Такое отношение не было бы возможным в выше описанных системах, в любом тоталитарном режиме работает не столько публичный образ, сколько частные поступки (не важно, что ты имеешь паблисити рабочего-ударника – если сосед донес на тебя, что ты, например, разорвал газетное фото Сталина – пристойное прошлое тебя не спасет, несмотря на то, что формально это не преступление – эти различия напрямую связаны с концепцией свободы, которая подразумевает презумпцию невиновности, тогда как в обществе тоталитарном наоборот работает презумпция вины). Собственно понятие паблисити в том виде, в котором оно есть в США в рамках нашей культуры, вообще не имеет аналогов.

Просперити так же не простое понятие, во-первых, изначально процветание было очень тесно связано с поддержанием жизни, принцип свободы изначально не подразумевал серьезных социальных гарантий не только для социальности, но и для телесности – или процветай или умри с голоду (в то время, когда любой Молох пока не прожевал тебя, тебя кормит). Во-вторых, просперити всегда уникальный путь – это не взаимозаменяемость в большой государственной машине, это твоё

Д.Г. Литинская, И.А. Кирилловский
Тело порядка в идеологии (не)свободы

частное дело, в котором ты сам себе хозяин: ты принципиально не заменяемая на что угодно деталь, и более того, когда ты уйдешь от дел, ты будешь сам выбирать себе приемника (это, разумеется, не так для толпы безликих госчиновников – но воплощением идеала являются не они, а люди, создавшие свое дело). Тело в этой системе так же оказывается частным делом человека (пока при его помощи не совершаются и не предаются огласке действия, несовместимые с пристойным паблисити).

Американская мечта принципиально достижима для любого, так как она лишена сакрального компонента, принципиально посюстороння, не включает в себя ни примат удачного рождения (начальный капитал – не плохо, но не обязательно), ни обязательных обрядов инициации (не плохо учиться в лиге плюща, но не обязательно даже толком уметь писать), ни приобщенности к определенной религиозной или культурной страте, ни, разумеется, изначальных телесных параметров. Единственно необходимое – предприимчивость и трудоспособность (по крайней мере, на уровне декларации). Это прекрасно иллюстрируется биографиями Луи Армстронга (нищего мальчика из гетто, ставшего легендарным джазменом), Арнольда Шварценеггера (путь от эмигранта-бодибилдера до кинозвезды первой величины и губернатора), Илона Маска (эмигрант из неблагополучной Южной Африки ставший мультимиллионером в сфере хайтека) и т.д. Последний нам особенно интересен, так как открыто эксплуатирует свое сходство с супергероем Тони Старком (Железным Человеком), персонажем вселенной Марвел. Собственно наиболее точное отражение идеи американской мечты в области телесности это сверх популярная мифология супергероев, каждый из них имеет свою уникальную историю, но важно, что суперспособности выделяют их как отдельных сверхуспешных индивидов, а не как класс равных. При этом все остальные люди, по сути, не значимы: вроде бы супергерои охраняют землю от козней антагонистов, но при этом у многих из них за плечами вина за смерти большого количества простых людей (то Халк случайно разрушит полгорода, то Железный Человек выпустит супервирус и т.д. – в последних фильмах, иногда это внешне исключено, так как нужно понижать рейтинг киноленты (например, иметь возможность поставить 12+, а не 16+) для увеличения прибыли от проката, но в таких случаях, по сути, каждый раз люди не гибнут благодаря «богам из машины», или просто их гибель не показывается, но показываются очевидные существенные разрушения), и это не показывается как большое горе, они спасают коллективное тело (Землю, Америку и т.п.), и не большие шрамы на этом коллективном теле – не в счет. Даже в тех историях про супергероев, которые имеют в завязке сюжета сожаление о гибели многих людей от рук их спасителей, это сожаление не о судьбе каждого погибшего, а о излишне большом шраме на теле человечества. То есть, если ты не супергерой, не его друг или возлюбленный, или иным образом ты не выделился из коллективного тела – твоя жизнь ничего не стоит в рамках этой мифологии: таковы законы жанра (собственно способ изначального выделения в комиксах/фильмах это произнесение имени, если имя было названо, персонаж так просто уже не погибнет – как в настоящей трагедии гибнет не герой – гибнет хор).

Это наличие идеи коллективного тела роднит такие разные мифологии, идущие от тоталитарных идеологий и от идеологии свободы, породившей концепт американской мечты. И тут происходит нечто парадоксальное: в рамках культуры, насыщенной мифологией успеха и супергероев, рождается, очевидно, тоталитарное движение, вполне приемлемое на вид и прижившееся в странах, декларирующих свободу и принятие как свои основные ценности: ЗОЖ (движение за здоровый образ жизни).

ЗОЖ крайне непростая тема, так как в научной и околонучной литературе рассматривается здоровый образ жизни как аспект жизни человека, который нужно пропагандировать и поддерживать на разных уровнях, для тех же, кто провозглашает ЗОЖ основным модусом своей жизни (и читателем соответствующих статей чаще всего не является), это становится всепоглощающей идеей. Собственно разграничительным критерием оказывается сама категория здоровья: если статьи в основном касаются именно здоровья и физической культуры в медицинском

понимании, а наиболее серьезные включают в себя и статистику смертности, травмирования и т.д., касаются здоровья больших групп или даже слоев населения, то ЗОЖ представляет из себя набор внешних критериев: это не просто занятие спортом и физкультурой, а неременное соответствие четким нормам внешности, которые часто никак не соответствуют медицинским нормам – так как, например, включают в себя «сушку», выделение рельефа мышц при помощи серьезного обезвоживания организма), это не отказ от «вредных» привычек – это четкое соответствие определенным правилам, которые включают в себя специфические диеты (часто весьма сомнительной полезности), специфическое ведение блогов и т.д., то есть скорее не реальное изменение, а его демонстрацию (например, нормальным оказывается идти на различные операции из области эстетической медицины, улучшающие внешний вид, но никак не здоровье – кроме традиционной процедуры увеличения груди, которая как понятно при прохождении «сушки» никак не может соответствовать критериям в 2-4 размер, стали популярны операции по вставлению имплантов, внешнеувеличивающие мышцы голени у юношей и т.д.), кроме того нарастает тенденция к непринятию тех, для кого ценности ЗОЖ не близки.

На последнем нужно остановиться особенно. Для адептов ЗОЖ нормально осуждать не тех, кто не принадлежит к их традиции, а тех, кто не соответствует их критерием во внешних проявлениях, например, под каждой рекламой в социальных сетях купальников для полных (то есть от 48 российского размера) появляются гневные филиппики сторонников ЗОЖ, уверяющих, что толстым людям нельзя на пляж ходить вообще, так как их вид оскорбляет эстетическое чувство окружающих (тогда как авторы статей в научных журналах, очевидно, имеют в виду, что полным людям как раз следовало бы как можно чаще ходить на пляж, так как это сделает их худее и здоровее). Внутри же групповая ксенофобия еще жестче, человек может осуждаться за минимальное несоответствие критериям во внешности, недостаточное количество часов в спортзале, за нарушение диет и т.д., что разительно отличает эту традицию от других молодежных объединений: любители рока не осуждают друг друга за недостаточное число прослушиваний в день, любителя дискотек не будут зло высмеивать за пропуск одной дискотеки и т.д. Кроме того, в культуре ЗОЖ присутствует ярко выраженная ранговость, есть боги фитнеса и спорта, чьих результатов не достичь никогда (так как их достижения строятся в том числе на наличии соответствующих природных данных), есть лучшие в твоём городе, лучшие в твоём спорт зале, середнячки, и омеги (действительно полные или худые по принятым меркам люди, которые пришли в ЗОЖ, но решить свою проблему так и не могут). И низших в этой иерархии всегда будут попрекать успехами высших.

Собственно описанные экспансивность и ранговость роднят движение ЗОЖ с сектой (самое забавное, что они сами это признают – одна из авторитетных организаций ЗОЖ так и называется), но деструктивным культом это движение нельзя признать из-за отсутствия единого лидера и единого финансового оборота. При этом очевидно и родство с описанным тоталитарным Молохом – мельнице тел, не предназначенной для работы, а предназначенной только для декларации некой идеи. И сама эта идея вполне похожа на две уже описанные идеи телесности в тоталитарных режимах. При этом развивается идея ЗОЖ как раз в экономически успешных странах (что логично – этот образ жизни требует больших временных и финансовых затрат), которые согласно многим исследованиям, как раз тянутся к индивидуации и ценностям свободы. Так в исследовании ученых Университета Ватерлоо и Университета штата Аризона о связи социально-экономического развития и распространения индивидуализма показателями степени индивидуализма выступали размер жилья в отношении к количеству проживающих (чем меньше, тем выше тяга к автономности), количество разводов и повторных браков, предпочтении дружеских (как самостоятельно выбранных) связей семейным, стремление к самоактуализации и уважение к личной свободе [Santos, Varnum, Grossmann, 2017]. Но ЗОЖ включает в себя концепцию «в здоровом теле здоровый дух» и может в самоотчетах и тестах как раз выглядеть как стремление к самоактуализации, а идея уважения к свободе других может выражаться и в том, что всем нужно соблюдать внешние стандарты из уважения

Д.Г. Литинская, И.А. Кирилловский
Тело порядка в идеологии (не)свободы

к другим (нельзя некрасивым и толстым преподавать и быть медиками и т.д.) – таким образом, новое тоталитарное мышление прекрасно маскируясь под идеологию свободы и индивидуализм, может ускользнуть от внимания даже очень авторитетных исследователей.

Итак, тело порядка начинает властвовать и в современной западной культуре: кроме живых богов ЗОЖ – реальных кумиров с недостижимыми физическими и внешними параметрами, богами этой культуры являются супергерои. У каждого из них своя история преодоления, как у святой Революции Павки Корчагина, каждый из них отказался от своей человеческой сущности (правда, не всегда это было выбором – иногда необходимостью). Но, в отличие от Павки, эти ребята не влились в коллективное тело, каждый из них остался индивидуальностью – воплощением американской мечты. В этом случае особенно показательна история Бэтмена, который на вопрос, какова его суперспособность, отвечает: «платежеспособность», хотя, разумеется, это не единственное его преимущество перед простыми смертными. С телом порядка национал-социалистической Германии ЗОЖ имеет еще большее сходство навязыванием концепта единственного приемлемого способа желать, выстраивать свой модус жизни, только теперь не нации, а распространяя «бремя белого человека» буквально на всех. При этом место расового ранжирования занимает ранжирование по совершенству тела. И как тогда, под идеологию подведены «научные» исследования, и включена изрядная доля мистицизма, с той разницей, что авторы научных трудов зачастую не понимают (или не дают себе труда задуматься) к чему приводит омонимия их устаревшего и исключительно инструментальных представлений о ЗОЖ, и описание соответствующей культурной тенденции, а мистика наоборот разрознена и не общепринята (ЗОЖ отлично сочетается различными окултными представлениями, но это не такое уж частое явление). Таким образом, новое тело порядка с новыми правилами продолжает захватывать и интегрировать в себя все больше физических тел благополучных людей запада.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – Москва: Прогресс, 1986.
2. Бодрийяр Ж. Соблазн. – Москва: Ad Marginem, 2000.
3. Вдовина И.С. Мерло-Понти: философия плоти и проблема социального // История философии. – Москва: Институт философии Российской академии наук, Т. 13, 2008.
4. Гачев Г.Д. Америка // Национальные образы мира: Курс лекций. – Москва: Академия, 1998.
5. Жильцов С.В. Смертная казнь в истории отечественного права: Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Саратов, 2002.
6. Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2013.
7. Кондаков И. Наше советское «всё» (Русская литература XX века как единый текст) // Вопросы литературы, №4, 2001.
8. Лыткина О.И. Концепт «Америка» как объект изучения культурологи // Ученые записки Российского государственного социального университета, №10, 2012. – С.162-165.
9. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – Москва: Весь мир, 1997.
10. Пленков О.Ю. Тайны Третьего Рейха. Спартанцы Гитлера. – Москва: Олма Медиа Групп, 2011.
11. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – Москва: Ad Marginem, 1999.
12. Ярославская-Маркон Е. «Клянусь отомстить словом и кровью...» // Звезда, №1, 2008. С.127-159.
13. Fest J. Das Gesicht des Dritten Reiches. Munchen, 1964.
14. Santos H.C., Varnum M.E.W., Grossmann I. Global Increases in Individualism // Psychological Science. Prepublished July 13, 2017. DOI: <https://doi.org/10.1177/0956797617700622>

REFERENCES

1. Baudrillard J. *Soblazn* [On Seduction] Moscow, Ad Marginem, 2000.
2. Burns R. *Razvitie Ja-koncepcii i vospitanie* [Development of the self-concept and education]. Moscow, Progress, 1986.

J. Litinskaya, I. Kirillovsky
Body of order in the ideology of freedom(less)

3. Fest J. *Das Gesicht des Dritten Reiches*. Munchen, 1964.
4. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'my* [Discipline and punish. The birth of the prison]. Moscow, Ad Marginem, 1999.
5. Gachev G.D. *America* in *Idem Nacional'nye obrazy mira: Kurs lekcij* [National images of the world: Course of lectures]. Moscow, Academy, 1998.
6. Kantorovich E.H. *Dva tela korolja. Issledovanie po srednevekovoj politicheskoj teologii* [Two bodies of the king. A research on medieval political theology]. Moscow, Publishing house of Institute of Gaidar, 2013.
7. Kondakov I. *Nashe sovetskoe "vsjo" (Russkaja literatura 20 veka kak edinyj tekst)* [Our Soviet "everything" (Russian literature of the XX century as uniform text)] in *Voprosy literatury* [Questions of literature]. 2001. No. 4.
8. Lytkina O.I. *Koncept "Amerika" kak ob'ekt izuchenija kul'turologii* [Concept "America" as object of cultural studies] in *Uchennye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta* [Transactions of the Russian state social university]. 2012. No. 10. Pp.162-165.
9. Ortega y Gasset J. *Vosstanie mass* [The Revolt of the Masses]. Moscow, Whole world Publ., 1997.
10. Plenkov O.Yu. *Tajny Tret'ego Rejha. Spartancy Gitlera* [Mysteries of the Third Reich. Hitler's Spartans]. Moscow, Olma Media Group, 2011.
11. Santos H.C., Varnum M.E.W., Grossmann I. *Global Increases in Individualism in Psychological Science*. Prepublished July 13, 2017 DOI: <https://doi.org/10.1177/0956797617700622>
12. Vdovina I.S. *Merlo-Ponti: filosofija ploti i problema social'nogo* [Merleau-Ponty: philosophy of flesh and the problem of social] in *Istorija Filosofii* [History of philosophy]. Moscow, Publishing house of the Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2008. Vol. 13.
13. Yaroslavskaya-Markon E. *"Kljanus' otomstit' slovom i krov'ju..."* ["I swear revenge on the word and the blood..."]. *Zvezda* [Star], №1, 2008. Pp.127-159.
14. Zhiltsov S.V. *Smertnaja kazn' v istorii otechestvennogo prava: Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni doktora juridicheskikh nauk* [The death penalty in the history of the Russian justice: The thesis for a degree of the doctor of jurisprudence]. Saratov, 2002.